инструкция по дружбе для начинающих влюблённых

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Ольга Брауни

Инструкция по дружбе для начинающих влюбленных

«Автор»
2026

Брауни О.

Инструкция по дружбе для начинающих влюбленных /
О. Брауни — «Автор», 2026

У Макса и Анны идеальный, клинически подтвержденный диагноз — френдзона со стажем. Они дружат с тех пор, когда неуклюже танцевали медляк на школьном выпускном. У них есть традиция: каждое воскресенье есть шаурму в парке, язвительно обсуждать прохожих и давать друг другу катастрофические советы по свиданиям. Макс — идеальный друг. Он честно говорит, что это платье ее полнит, умеет открывать банки с соленьями и никогда не лезет обниматься без спроса. А еще он скрывает, что по уши влюблен в нее с выпускного. Его тактика — быть настолько правильным и безопасным, чтобы Анна никогда не посмотрела на него как на мужчину. Ему предстоит нарушить главное правило их дружбы и пойти на отчаянный шаг. Сможет ли один нелепый, искренний и очень запоздалый поступок превратить четырнадцать лет братской опеки в настоящую любовь, или их история так и останется идеальным примером того, как дружба убивает романтику?

© Брауни О., 2026
© Автор, 2026

Ольга Брауни
Инструкция по дружбе для начинающих влюбленных

Анна вернулась в Нью-Йорк после очередной командировки. Я встретил её в аэропорту лично, ведь мы не виделись два месяца.

Толпа в терминале прибытия напоминает разворошенный муравейник, но я замечаю её сразу. Этот её взгляд — смесь усталости от перелёта и неистребимого высокомерия — невозможно перепутать ни с чем.

Я стою, прислонившись спиной к бетонной колонне, и лениво прокручиваю на пальце ключи от машины. На мне классическое чёрное пальто, которое, я уверен, выглядит на миллион, и лёгкая ухмылка, предназначенная только для неё. Когда наши глаза встречаются, я не сдерживаю короткий смешок.

— О, смотрите-ка, живая легенда соизволила спуститься с небес на нашу грешную землю, — голос звучит хрипловато из-за кондиционеров, но в нём чётко слышится привычная ирония.

Делаю широкий шаг навстречу, игнорируя снующих под ногами туристов с их чемоданами. Я не жду приглашения. Просто перехватываю её за талию и сгребаю в охапку, отрывая от пола. От неё пахнет чужим городом, дорогим парфюмом и самолётом.

— Беллами, ты стала ещё легче, — бормочу я ей куда-то в макушку, прежде чем поставить обратно на ноги. — Тебя там вообще кормили или ты питалась исключительно светом софитов и собственным эго?

Я отстраняюсь, но не убираю рук с её плеч, придирчиво осматривая её лицо. Под глазами залегли тени, но блеск в них всё тот же — колючий и живой.

Боже, два месяца. Как будто вечность прошла с тех пор, как мы в последний раз пили текилу у меня на террасе и спорили о композиции кадра.

— Ладно, давай сюда свой хлам, — я бесцеремонно вырываю ручку чемодана из её ладони. — Машина на парковке. И если ты сейчас скажешь, что хочешь спать, а не стейк и бутылку хорошего вина, я официально объявлю тебя занудой года.

Я разворачиваюсь, увлекая её за собой к выходу, и краем глаза слежу за её реакцией, готовый к любой саркастичной колкости, которую она наверняка уже приготовила.

— Тебя невозможно переплюнуть в занудстве, Миллер.

Я лишь приподнимаю бровь, не сбавляя темпа и уверенно лавируя между тележками с багажом. Мои пальцы крепче сжимают ручку её чемодана, будто я боюсь, что она сейчас развернётся и улетит обратно в свой Париж или Токио.

— О, посмотрите на неё! Два месяца в компании моделей и пафосных кутюрье окончательно испортили твой и без того скверный характер, — я усмехаюсь, толкая плечом тяжелую стеклянную дверь выхода.

На улице Нью-Йорк встречает нас своим привычным безумием: гудками такси, запахом дешёвой еды из фургонов и холодным ветром, который тут же начинает трепать её волосы. Я на секунду задерживаюсь, подставляя лицо прохладному воздуху, а затем киваю в сторону своего чёрного внедорожника, припаркованного в неположенном месте — разумеется, с наклейкой спецпропуска под лобовым стеклом.

— Садись в машину, Беллами. Пока нас не эвакуировали вместе с твоими бесценными объективами, — я открываю перед ней пассажирскую дверь, галантно отвешивая шутливый поклон. — И не вздумай ворчать на мой выбор музыки. Сегодня в программе только то, что помогает забыть о джетлаге и осознать, что ты дома.

Я закидываю её багаж в багажник, захлопываю его с глухим стуком и быстро обхожу машину, занимая водительское сиденье. В салоне пахнет кожей и моим парфюмом — привычный, стабильный мир, в который я так настойчиво пытаюсь её вернуть.

Выглядит вымотанной. Но, чёрт возьми, всё такой же невыносимо стильной даже после десяти часов в воздухе.

Завожу двигатель, и мощный рокот мотора на мгновение заглушает шум аэропорта. Я поворачиваюсь к ней, закидываю руку на спинку её сиденья и внимательно смотрю в лицо, уже без тени насмешки.

— Серьёзно, Анна. Как поездка? Кроме того, что ты снимала очередных «самых красивых людей мира», которые и в подмётки тебе не годятся.

— О, неприкрытая лесть. Ты скучал, Миллер?

Я издаю короткий, лающий смешок и выворачиваю руль, вклиниваясь в плотный поток машин, покидающих аэропорт. Мои пальцы ритмично постукивают по кожаной оплетке.

— Скучал? По твоим вечным придиркам к тому, как я завязываю галстук, и по тому, как ты крадешь оливки из моего мартини? — я бросаю на неё быстрый, лукавый взгляд, в котором иронии гораздо меньше, чем мне хотелось бы показать. — Ни капли. Моя жизнь была подозрительно спокойной, предсказуемой и… чертовски скучной.

Я перестраиваюсь в левый ряд, выжимая педаль газа так, что нас слегка вжимает в кресла. Нью-Йоркские огни впереди начинают сливаться в одну яркую линию.

— Ты же знаешь, Беллами, без твоего сарказма этот город кажется мне просто нагромождением бетона и стекла. Так что да, пришлось признать: мой любимый домашний тиран отсутствовал слишком долго.

Я на мгновение отрываю руку от руля и быстро, по-свойски, хлопаю её по колену, тут же возвращая ладонь на место.

— Но не обольщайся. Это не значит, что я прощу тебе отказ от ужина. Рассказывай, кто на этот раз пытался строить из себя звезду на твоих сетах? У кого из этих несчастных хватило смелости спорить с тобой по поводу света?

Она здесь. Наконец-то.

Я прибавляю звук на магнитоле, где начинает играть низкий, тягучий блюз, и кошусь на её профиль, ожидая очередной порции ядовитых историй из закулисья высокой моды.

Она начинает рассказывать о работе, вставляя свои ядовитые комментарии.

Я слушаю её, не перебивая, лишь изредка вставляя короткие смешки в самых «кровавых» моментах её рассказа. Анна в своём репертуаре: если бы слова могли оставлять шрамы, половина модельного агентства в Париже сейчас лежала бы в реанимации.

— Подожди, — я вскидываю руку, притормаживая на светофоре, и поворачиваюсь к ней с искренним восторгом в глазах. — Ты действительно сказала этому итальянскому дизайнеру, что его новая коллекция выглядит как результат групповой терапии в дурдоме? Беллами, я всегда знал, что у тебя нет инстинкта самосохранения, но это уже уровень камикадзе.

Я представляю эту сцену в красках: она, со своим ледяным спокойствием и камерой наперевес, и какой-нибудь раздутый от собственного величия маэстро. Ставлю сотню баксов на то, что он в итоге рыдал в туалете, а она продолжала выставлять экспозицию.

Она горит этим. Каждый раз, когда она возвращается, от неё буквально искрит этой безумной энергией, даже если она едва держится на ногах от усталости.

— Значит, «самовлюблённый индюк с замашками императора», — повторяю я её слова, пробуя их на вкус. — Звучит как описание большинства моих бизнес-партнеров. Тебе стоит прийти ко мне на совет директоров, просто чтобы постоять в углу и посмотреть на них этим своим взглядом «ты-ничтожество». Я бы за это доплатил.

Мы сворачиваем на мост, и перед нами открывается панорама Манхэттена — тысячи огней, отражающихся в темной воде Гудзона. Я на мгновение замолкаю, давая ей возможность просто посмотреть на город, который она, как бы ни отрицала, любит больше всех остальных.

— Слушай, — я понижаю голос, и в нём проскальзывает несвойственная мне мягкость. — Рад, что ты вернулась. Без шуток. Весь этот твой пафосный вояж — это круто, но в Нью-Йорке без тебя стало слишком… тихо. Даже мои секретарши перестали меня бояться, представляешь? Совсем расслабились.

Я снова нажимаю на газ, направляясь в сторону Вест-Виллидж, где нас ждал забронированный столик в месте, которое она обожает, но в котором никогда не признается.

— Так что там с тем парнем из агентства? Тем, который, по твоим словам, имел «лицо не обезображенное интеллектом, но очень пригодное для продажи парфюма»? Он всё-таки пытался позвать тебя на свидание или сразу понял, что не потянет?

— Свидание? Я тебя умоляю. Он пригласил меня в свой номер, намекая, что я увижу то, от чего «упаду в обморок». Я спросила не скудный ли это интеллект, который уравновешивает крохотный член. Он почему-то обиделся.

Я не выдерживаю и в голос хохочу, едва не пропуская нужный поворот. Мой смех заполняет салон автомобиля, перекрывая даже музыку. Я буквально вижу эту сцену: бедолага-модель в шелковом халате, его заученная поза «рокового соблазнителя» и Анна, которая впечатывает его в пол одной единственной фразой, даже не отрываясь от чистки объектива.

— Черт, Беллами! — я вытираю выступившую слезу в уголке глаза, всё еще содрогаясь от смеха. — Ты когда-нибудь научишься бить не в самое больное место? У парня, возможно, вся карьера строилась на этой хрупкой уверенности в себе, а ты просто взяла и… кастрировала его словесно.

Я качаю головой, сворачивая на узкую улочку, залитую мягким светом фонарей.

— «Скудный интеллект, уравновешивающий крохотный член», — я повторяю фразу, смакуя каждое слово. — Запишу это. Буду использовать на переговорах, когда строительные подрядчики начнут завышать смету. Хотя нет, на них это не подействует так эффектно, как из твоих уст.

Я паркую машину прямо у входа в ресторан, игнорируя знак «стоянка запрещена». Официант у входа, узнав мой внедорожник, тут же делает шаг вперед, готовый забрать ключи.

— Ты просто безжалостна, — я глушу мотор и поворачиваюсь к ней, опершись локтем о руль. — Но, честно говоря, я бы отдал половину своей компании, чтобы увидеть его лицо в этот момент. Он хоть что-то смог выдавить в ответ или просто ушел в глубокую депрессию прямо там, в номере?

Её невозможно переделать. И, видит Бог, это лучшее, что в ней есть.

Я выхожу из машины, обхожу её и открываю дверь Анне, протягивая руку, чтобы помочь ей выбраться.

— Пойдем. Тебе срочно нужно залить этот яд хорошим вином, пока ты не начала практиковаться на мне. Хотя… я-то знаю, что мой интеллект в полном порядке, а по поводу остального — тебе придется поверить мне на слово, сестренка.

— Это как в анекдоте… Выпало 7 сантиметров осадков, но, как бы сказал мужчина, около двадцати.

Я замираю на полуслове, придерживая дверь машины, и на несколько секунд просто смотрю на неё, пытаясь сохранить серьезное выражение лица. Но это бесполезно. Глухой, искренний смех снова вырывается из груди.

— Удар ниже пояса. В буквальном смысле, — я качаю головой, закрывая дверь и слегка подталкивая её ладонью в спину в сторону входа в ресторан. — Твоё чувство юмора за эти два месяца стало еще чернее. Видимо, общение с европейской аристократией идет тебе на пользу — ты научилась оскорблять людей с изяществом хирурга, проводящего ампутацию.

Внутри ресторана нас встречает приглушенный свет, звон бокалов и тихий гул разговоров — то самое «дорогое» спокойствие, которое так ценит этот город. Хостес, едва завидев нас, расплывается в профессиональной улыбке и ведет к нашему привычному столику в самом углу, подальше от любопытных глаз.

— Семь сантиметров осадков… — бормочу я себе под нос, отодвигая для неё стул. — Надеюсь, ты не собираешься применять эту математику ко всему, что увидишь в меню. А то я заказал нам самый большой стейк, и будет обидно, если ты назовешь его «миниатюрной закуской».

Я сажусь напротив, расстегиваю пуговицу пальто и внимательно наблюдаю за тем, как она устраивается. Официант тут же ставит перед нами бутылку «Шато Марго», которую я попросил открыть заранее.

— Ну давай, Беллами, — я беру бутылку и разливаю вино по бокалам, внимательно следя за рубиновой жидкостью. — Расскажи мне что-нибудь, что не касается размеров чужого достоинства и твоих попыток довести мир моды до нервного срыва. Ты хоть раз за эти два месяца просто… отдыхала? Или ты даже во сне выставляешь свет и композицию?

Я подвигаю бокал к ней, едва коснувшись её пальцев своими, и поднимаю свой, салютуя ей в воздухе.

— За твоё возвращение. Нью-Йорк снова стал похож на город, а не на декорацию к унылому фильму.

— Хватит обо мне. Ты. Что у тебя нового? Интересного? Горячего? — она поиграла бровями.

Я усмехаюсь, делая глоток вина и позволяя терпкому вкусу на мгновение отвлечь меня от её испытующего взгляда. Эти её «поигрывания бровями» — верный признак того, что сейчас начнется допрос с пристрастием, от которого не отвертеться даже под присягой.

— О, ты хочешь грязных подробностей из жизни строительного магната? — я откидываюсь на спинку стула, вальяжно раскинув руки. — Ну, из «горячего» у меня был только пожар на объекте в Бруклине в прошлом месяце. Видела бы ты, как я бегал в каске по стройплощадке, пытаясь убедить пожарных, что эти балки не упадут им на головы. Очень эротичное зрелище, клянусь.

Я делаю паузу, забавляясь её скептическим выражением лица.

— Ладно, ладно. Если ты о личном… — я неопределенно веду плечом, и на губах появляется та самая самоуверенная ухмылка. — Была одна блондинка. Юрист из крупной фирмы. Умная, острая на язык, почти как ты, только без твоего таланта посылать людей в пешее эротическое одним взглядом. Мы продержались три недели.

Я подцепляю пальцем край салфетки, глядя на вино в бокале.

— Она совершила фатальную ошибку. Попыталась переставить книги у меня в кабинете «по цветам». В тот же вечер я вызвал ей такси. Ты же знаешь, я не терплю посягательств на мой хаос.

Я перевожу взгляд на Анну, и в моих глазах вспыхивает привычный азартный огонек.

— А в остальном — всё по-старому. Закрыл сделку по покупке участка в Челси, отбился от двух судебных исков и купил новый мотоцикл, который, как утверждает моя мать, станет моим гробом. Хочешь завтра прокатиться? Обещаю не разгоняться больше двухсот… ну, почти обещаю.

Я подаюсь вперед, опираясь локтями о стол и сокращая дистанцию.

— А если серьезно, Беллами, — мой голос становится чуть тише, — единственное действительно интересное событие за эти два месяца — это то, что я сейчас сижу здесь с тобой, а не на очередном скучном благотворительном вечере, слушая сплетни о том, кто из застройщиков обанкротится следующим.

Я прищуриваюсь, внимательно изучая её реакцию.

— Ну а ты? Неужели ни один французский граф не предложил тебе своё сердце и замок в придачу? Я уже приготовил речь для твоей свадьбы, где собирался рассказать всем, как ты в семь лет пыталась съесть мелок, потому что он был «правильного оттенка синего».

— В задницу скучных аристократов. Меня бы линчевали на площади на следующее утро после свадьбы.

Я громко хлопаю ладонью по столу, заставляя столовое серебро тонко звякнуть, и приглушенно смеюсь, привлекая взгляды пары за соседним столиком.

— О, это точно. Я уже вижу заголовки: «Американская фотохудожница сожгла фамильный замок, потому что гобелены в спальне портили ей цвет лица», — я качаю головой, поднося бокал к губам. — Ты бы не выдержала там и недели. Эти люди слишком дорожат своими приличиями, а ты… ты как граната в антикварной лавке. Красивая, но крайне опасная для экспонатов.

Я делаю глубокий глоток, чувствуя, как приятное тепло разливается по телу. Напряжение дня окончательно уходит, оставляя только это привычное чувство комфорта, которое бывает у меня только рядом с ней.

— Значит, замок отменяется. Слава богу, а то мне пришлось бы лететь в Европу и вызволять тебя из какой-нибудь темницы для непокорных невест, — я подмигиваю ей, а затем мой взгляд становится чуть более серьезным. — Слушай, раз уж мы заговорили о линчевании и твоем скверном характере… У меня через три дня открытие нового арт-центра в одном из моих зданий. Это мой личный проект, не семейный.

Я выдерживаю паузу, наблюдая за её реакцией.

— Там будет куча народу, которого мы оба ненавидим. Но я хочу, чтобы ты там была. Не как фотограф — боже упаси, я не хочу, чтобы ты разбила камеру о голову какого-нибудь критика. А как мой… — я на секунду заминаюсь, подбирая слово, — голос разума. Ну, или как человек, который будет шептать мне на ухо гадости про всех присутствующих, чтобы я не уснул от скуки.

Я чуть склоняю голову набок, внимательно следя за её лицом.

— Что скажешь? Наденешь то самое черное платье, которое заставляет мужчин забывать, как дышать, и пойдешь со мной? Обещаю, текила будет высшего сорта, и я разрешу тебе высмеять любого, кто посмеет подойти к нам ближе, чем на два метра.

— Ты знаешь, чем меня подкупить, засранец.

— О, я потратил годы на изучение твоих слабых мест, Беллами. Это мой самый ценный актив, — я широко улыбаюсь, чувствуя вкус победы. — Бесплатный алкоголь и легальная возможность безнаказанно хамить элите Манхэттена — я знал, что ты не устоишь.

В этот момент официант бесшумно материализуется рядом, ставя в центр стола массивную деревянную доску с двумя сочными стейками рибай. Аромат жареного мяса, розмарина и чесночного масла мгновенно заполняет пространство между нами. Я беру нож и вилку, но прежде чем приступить, указываю острием ножа на её бокал.

— Только одно условие: на открытии никаких камер. Никаких «ой, посмотри, какой свет падает на эту колонну». Только ты, я и наш коллективный цинизм. Договорились?

Я отрезаю кусок мяса, наблюдая за тем, как она делает то же самое.

— Кстати, про «засранца», — я жую, довольно жмурясь. — Твоя квартира всё ещё выглядит так, будто там взорвался склад фотоплёнки и коробок из-под китайской лапши? Я отправил туда клининговую службу вчера, пока ты была в небе. Не благодари. Я просто не хотел, чтобы ты в первый же вечер споткнулась о штатив и расшибла себе лоб. Мне нужна твоя голова в целости, чтобы генерировать язвительные комментарии.

Я бросаю на неё быстрый взгляд из-под ресниц, ожидая, когда за это самоуправство в меня полетит если не нож, то хотя бы очень тяжелое слово.

— Так что, — продолжаю я как ни в чем не бывало, — какие планы на завтра? Я собираюсь заехать в офис на пару часов, а потом… мотоцикл ждет. Или ты планируешь проспать до следующего четверга, пытаясь восстановить свой «внутренний баланс»?

— В смысле ты отправил службу? Они же там все не так поставят!

Я закатываю глаза и демонстративно вскидываю руки, всё ещё сжимая нож и вилку, словно защищаюсь от неминуемого взрыва.

— Остынь, женщина! Я дал им чёткие инструкции: «Ничего не трогать, кроме пыли и пустых коробок», — я усмехаюсь, глядя на то, как её глаза начинают метать молнии. — Они не переставляли твои драгоценные объективы и не пытались упорядочить твой творческий хаос. Я просто не хотел, чтобы по возвращении тебя встретила новая форма жизни, зародившаяся в твоём холодильнике за два месяца.

Я отправляю в рот очередной кусок стейка, тщательно пережёвываю и только потом продолжаю, абсолютно не чувствуя вины.

— К тому же, я лично заехал туда перед их уходом, чтобы убедиться, что твой любимый драный плед лежит именно в том кривом положении, в котором ты его оставила. Так что твой «алтарь беспорядка» в полной сохранности.

Знал, что она взбесится. Но видеть её такой — живой, возмущённой, с этим характерным прищуром — куда лучше, чем наблюдать её бледную тень после перелёта.

Я подаюсь чуть ближе, понижая голос до заговорщицкого шепота, и в моих глазах вспыхивает наглая искра.

— Вместо того чтобы ворчать, лучше оцени масштаб подвига: я нашел человека, который согласился войти в твою квартиру без защитного костюма. Это стоило мне целого состояния и бутылки виски для их бригадира.

Я снова беру бокал и слегка подмигиваю ей.

— И вообще, Беллами, скажи спасибо, что я не нанял дизайнера интерьеров, чтобы он превратил твой лофт в нечто приличное. Вот тогда у тебя был бы настоящий повод для убийства. А сейчас… просто ешь свой стейк. Он остывает, а ты, когда голодная, становишься в три раза невыносимее. Хотя, казалось бы, куда уж больше?

— Ты гад, Миллер. Моя квартира уютнее по сравнению с твоим стерильным склепом.

— «Стерильный склеп»? — я притворно хватаюсь за сердце, едва не выронив вилку. — Это называется «минимализм», Анна. Стиль, вкус, архитектурная чистота. Тебе ли, как фотографу, не знать цену свободному пространству?

Я усмехаюсь, отпивая вина. Мой пентхаус на тридцатом этаже действительно многим кажется слишком холодным: панорамные окна, бетон, сталь и минимум лишних деталей. Никаких рамок с фотографиями на каминной полке, никаких разбросанных вещей. Полная противоположность её берлоге, где каждый сантиметр забит какими-то артефактами, книгами и техникой.

— В моем «склепе» хотя бы можно пройти от двери до дивана, не рискуя получить перелом шейки бедра, споткнувшись о стопку журналов 1998 года, — я парирую, щурясь от удовольствия. — И там всегда есть чистые стаканы. И лед. И, заметь, никакой плесени, которая пытается со мной заговорить.

Я внимательно смотрю на неё, замечая, как румянец возвращается к её щекам — то ли от вина, то ли от праведного гнева.

— Твой уют — это хаос, возведенный в абсолют. Но ладно, я признаю: твой диван действительно удобнее моего. Наверное, потому что он за десять лет принял форму твоего тела и всех тех бедолаг, которых ты заставляла позировать по восемь часов подряд.

Я на мгновение замолкаю, наблюдая за тем, как она расправляется с ужином.

— Если тебе станет легче, я разрешаю тебе завтра прийти ко мне и… не знаю, бросить свои грязные носки посреди гостиной. Чтобы нарушить мою стерильность. Но только одну пару, Беллами. Я не готов к полномасштабному вторжению.

Я отодвигаю пустую тарелку и опираюсь подбородком на сцепленные пальцы, не сводя с неё глаз.

— Слушай, а если серьезно… Ты завтра выспишься, придешь в себя, и мы съездим в одно место. Я хочу показать тебе площадку того самого арт-центра до того, как там всё заставят фуршетными столами и надутыми индюками в смокингах. Мне нужно твое мнение. Не как друга, а как… ну, ты поняла. Твой чертовски острый глаз. Сделаешь одолжение?

— Будешь моим должником следующие две жизни.

Я медленно расплываюсь в довольной, почти хищной улыбке и салютую ей бокалом, в котором на дне еще плещется темно-красное вино.

— Всего две? — я приподнимаю бровь. — Какая неслыханная щедрость. Я-то думал, ты заставишь меня подписать контракт кровью на вечное рабство и обязательство выносить твой штатив до конца моих дней.

Я ставлю бокал на стол и внимательно смотрю на неё. В полумраке ресторана её глаза кажутся еще темнее, и этот привычный колючий блеск в них — лучшее подтверждение того, что она действительно вернулась.

— Идет. Записывай в свой воображаемый блокнот: Макс Миллер, твой личный должник. Можешь обналичить этот долг, когда тебе в очередной раз приспичит снимать рассвет на крыше какого-нибудь недостроенного небоскреба в три часа ночи, и тебе понадобится кто-то, кто будет держать отражатель и не давать тебе свалиться вниз.

Я подзываю официанта коротким жестом и, не глядя в счет, протягиваю ему карту.

— Поехали, — я поднимаюсь, поправляя пиджак, и протягиваю ей руку. — Тебе пора в твою «уютную» свалку, пока ты не уснула прямо в тарелке. Джетлаг — штука беспощадная, а мне завтра нужен твой мозг в рабочем состоянии.

Когда мы выходим на улицу, ночной воздух Нью-Йорка кажется еще более резким. Я открываю ей дверь машины, но прежде чем она садится, я на секунду задерживаю руку на двери, преграждая путь, и заглядываю ей в глаза.

— Только попробуй завтра сказать, что ты «занята» или «передумала». Я приеду и вытащу тебя из кровати вместе с твоим любимым пледом. Ты меня знаешь.

Я захлопываю дверь, обхожу внедорожник и, сев за руль, бросаю быстрый взгляд в зеркало заднего вида на огни города.

— Ну что, Беллами, — я плавно трогаюсь с места, — готова проверить, не украли ли клинеры твою коллекцию пыли, или мне стоит приготовить аптечку на случай твоего сердечного приступа от вида чистого пола?

Она строит гримасу и показывает средний палец.

Я не сдерживаюсь и снова хохочу, откидывая голову на подголовник, пока мы стоим на красном светофоре.

— О, вот она! Настоящая Анна Беллами, — я киваю на её жест с видом знатока. — Прямо в рамку и в Лувр. Никаких слов не нужно, этот палец выражает всю глубину твоей признательности. Я тронут до глубины души, правда.

Я снова переключаю передачу, и машина плавно скользит по Пятой авеню. Город вокруг нас пульсирует огнями, и я чувствую, как внутри наконец-то воцаряется какой-то странный порядок. Всё на своих местах: я за рулем, она рядом, и мы обмениваемся колкостями, как и последние пятнадцать лет.

— Знаешь, — я бросаю на неё мимолётный взгляд, пока мы проезжаем мимо ярко освещенных витрин, — я ведь чуть не купил тебе в подарок в аэропорту ту дурацкую подушку для

шеи с кошачьими ушами. Но потом представил, как ты меня ею душишь прямо в зале прилета, и решил, что моё эго этого не переживет.

Мы подъезжаем к её дому в Сохо. Это старое здание с чугунными лестницами снаружи — именно то место, которое она называет домом, и которое я всегда считал чертовски опасным из-за отсутствия нормальной охраны. Я паркуюсь у самого подъезда и глушу мотор. Становится тихо, только слышно, как остывает двигатель.

— Приехали, принцесса помойки, — я поворачиваюсь к ней всем корпусом, закинув руку на руль. — Чемодан я донесу до лифта, не спорь. А дальше ты сама. Постарайся не перепутать спальню с темной комнатой для проявки, ладно?

Я выхожу, достаю её багаж и дожидаюсь, пока она выберется из салона. Стоя на тротуаре, я на мгновение кладу руку ей на затылок, слегка взъерошивая волосы — жест, оставшийся еще со школы.

— Спокойной ночи, Беллами. Рад, что ты не разбилась на том самолете. Мне было бы некому проигрывать в покер по пятницам.

Анна обнимает его за талию.

— Спокойной ночи, Миллер. Я тоже скучала.

Я замираю на мгновение, когда тонкие руки Анны смыкаются у меня на талии. Это мимолетное проявление нежности от «королевы сарказма» всегда действует на меня обезоруживающе, хотя я ни за что в этом не признаюсь. Я коротко усмехаюсь, чувствуя знакомый запах её парфюма — смесь дорогого табака, каких-то экзотических цветов и дорожной пыли.

— Смотри не расплачься в подушку от избытка чувств, Беллами, — я легонько хлопаю её по плечу, прежде чем она отстраняется. — Твоя репутация ледяной стервы под угрозой.

Я делаю шаг назад к своему «Астон Мартину», сверкающему под тусклыми огнями Сохо. Достаю ключи из кармана джинсов, и те негромко звенят в ночной тишине. Опершись локтем о крышу автомобиля, я окидываю взглядом окна её лофта, проверяя, горит ли там свет, который я распорядился оставить к её приезду.

— И проверь холодильник, — бросаю я уже через плечо, открывая водительскую дверь. — Я велел забить его чем-то, что не напоминает пластиковую еду из самолетов. И только попробуй завтра опоздать. В одиннадцать я буду у твоего подъезда, и если ты не выйдешь, я подниму на уши весь дом своим клаксоном.

Я ныряю в салон, и двигатель отзывается мощным, глухим рыком, нарушая спокойствие улицы. Я бросаю последний взгляд на Анну в зеркало заднего вида, прежде чем включить передачу.

Черт, два месяца — это всё-таки слишком долго для её отсутствия.

Машина плавно трогается с места, оставляя после себя лишь запах дорогой кожи и легкий шлейф бензина. Я выезжаю на главную дорогу, уже прокручивая в голове завтрашний маршрут до арт-центра. Мне нужно, чтобы завтра всё было идеально, а значит, мне нужен её придирчивый взгляд.

———

На следующее утро. 10:55.

Мой черный внедорожник уже стоит у входа в лофт. Я не люблю ждать, но ради Анны делаю исключение, хотя и выражаю это в своей манере. Я сижу за рулем, лениво пролистывая сводки новостей на планшете. На мне простая черная футболка, подчеркивающая рельеф плеч, и солнцезащитные очки, несмотря на то что солнце в Нью-Йорке сегодня не слишком агрессивное.

Я опускаю стекло со стороны пассажирского сиденья и, заметив Анну, выходящую из дверей подъезда, демонстративно смотрю на свои часы, а затем на неё.

— Пять минут до дедлайна, Беллами. Ты начинаешь меня пугать своей пунктуальностью, — Я криво усмехаюсь, не снимая очков. — Садись, пока я не решил, что твое место должен

занять кто-то более покладистый. Например, моя ассистентка, которая не спорит со мной каждые пять секунд.

Анна останавливается у двери и скрещивает руки на груди.

— Вот и проваливай к своей ассистентке.

Я громко хохочу, откидывая голову на подголовник. Этот звук, резкий и искренний, отражается от кирпичных стен соседних зданий. Я медленно снимаю солнцезащитные очки, цепляя дужку за ворот футболки, и смотрю на Анну с тем самым выражением лица, которое обычно выводит её из себя — смесью превосходства и нескрываемого обожания.

— И лишить себя удовольствия выслушивать твои язвительные комментарии о цвете стен? Ну уж нет, — я перегибаюсь через пассажирское сиденье и толкаю дверцу, открывая её перед ней. — Ассистентка слишком часто говорит «да, мистер Миллер». Это чертовски скучно, ты же знаешь.

Я окинул её оценивающим взглядом с ног до головы, подмечая каждую деталь её сегодняшнего образа. В моих глазах промелькнуло одобрение, которое я тут же замаскировал очередной подколкой.

— Ты выглядишь так, будто собралась на похороны моих амбиций. Мне нравится. Запрыгивай уже, у нас мало времени, а я ещё не успел выпить вторую порцию кофе.

Я дожидаюсь, пока Анна окажется в салоне, и, не дожидаясь, пока она пристегнет ремень, резко трогаюсь с места, вжимая её в кресло.

— Рассказывай, — я бросаю быстрый взгляд на неё, выруливая в поток машин. — Ты успела оценить мои старания по поводу продуктов в твоем «холодильнике холостячки» или сразу завалилась спать в обнимку со своей камерой?

— Нужно докупить продуктов. Что? Я плотно позавтракала.

Я на секунду отвлекаюсь от дороги, бросая на неё недоверчивый взгляд поверх очков. Я выразительно выгибаю бровь, а уголок моих губ дергается в ухмылке.

— «Нужно докупить»? Беллами, я забил этот ящик так, будто наступал зомби-апокалипсис, а ты была единственной выжившей с очень хорошим аппетитом, — я перестраиваюсь в соседний ряд, подрезая какое-то желтое такси и игнорируя возмущенный гудок вслед. — Либо у тебя в шкафу прячется любовник-культурист, либо ты просто решила устроить дегустацию всего содержимого в три часа ночи. Ставлю на второе.

Я прибавляю громкость на магнитоле, где звучит какой-то размеренный инди-рок, идеально подходящий под ритм утреннего Манхэттена.

— Рад, что ты хотя бы поела. А то в прошлый раз после твоей поездки в Азию ты выглядела так, будто тебя можно использовать вместо рентгеновского снимка, — я сворачиваю в сторону набережной, где среди старых промышленных зданий возвышается мой новый проект. — Слушай, по поводу центра. Там еще работают маляры в малых залах, так что постарайся не вляпаться в «индустриальный серый» своим стильным шмотьем.

Я притормаживаю перед массивными стеклянными дверями, над которыми уже красуется лаконичная вывеска. Глушу мотор и поворачиваюсь к Анне, на мгновение становясь серьезным.

— Я хочу, чтобы ты посмотрела свет в главном холле. Дизайнеры клянутся, что это «авангардно», но мне кажется, они просто пытаются скрыть, что сэкономили на проводке. Твой вердикт будет решающим. Идем?

Войдя в помещение, взгляд Анны тут же становится цепким и профессиональным. Она указывает на недочёты со скоростью пулеметной очереди.

Я едва успеваю следовать за ней, засунув руки в карманы джинсов. Я молчу, лишь изредка кивая, когда она попадает в точку. Мне нравится наблюдать за ней в такие моменты: весь её расслабленный сарказм испаряется, уступая место той самой Беллами, за чьи снимки аукционные дома готовы грызть друг другу глотки.

— Воу, полегче, тигрица, — усмехаюсь я, когда она указывает на очередной огрех в освещении угла. — Я не успеваю записывать. Ты сейчас фактически уволила трех моих подрядчиков и одного дизайнера по свету всего за пять минут.

Я останавливаюсь посреди огромного зала, где солнечные лучи пробиваются сквозь высокие панорамные окна, ложась на бетонный пол четкими геометрическими фигурами. Внимательно слежу за тем, как Анна перемещается по пространству, щурится, подбирая ракурсы, и едва ли не ощупывает взглядом воздух.

— Значит, «авангардный свет» в холле — это всё-таки лажа? — я подхожу к ней ближе, останавливаясь за плечом, и тоже смотрю в ту сторону, куда направлен её критический взор. — Я чувствовал, что здесь что-то не так. Слишком много «грязных» теней для места, где будут висеть работы за миллионы долларов.

Я делаю шаг в сторону, заглядывая ей в лицо, пытаясь поймать её взгляд.

— Слушай, если мы сейчас передвинем те споты на балках, это спасет ситуацию, или мне просто сжечь это здание и получить страховку? — в моем голосе звучит привычная ирония, но глаза остаются серьезными. — Серьезно, Анна. Скажи, как это видишь ты. Если ты скажешь, что здесь всё дерьмово, я заставлю их переделывать всё за одну ночь. У них есть три дня.

— Зови сюда своих «профессионалов». Будем из этого дерьма делать конфетку.

Я коротко и хищно улыбаюсь. Этот тон я узнаю из тысячи — режим «Беллами на тропе войны» официально активирован. Мне всегда чертовски нравилось, как она берет на себя управление процессом, даже если это не её проект.

— Слушаюсь, босс, — я шутливо салютую ей двумя пальцами у виска и достаю телефон. — Только не съешь их сразу, мне еще нужно, чтобы они могли держать в руках инструменты.

Быстро набираю номер прораба, мой голос мгновенно становится жестким и властным, не оставляющим пространства для возражений.

— Боб? Бери своих парней по свету и живо в главный холл. Да, прямо сейчас. Бросайте всё. У меня здесь эксперт, который только что разнес вашу работу в щепки, и если вы не хотите, чтобы я вычел стоимость переделки из вашего гонорара, советую бежать очень быстро.

Сбросив вызов, я убираю телефон и поворачиваюсь к Анне, делая широкий приглашающий жест рукой в сторону центра зала.

— Они будут здесь через две минуты. Пока они не прибежали с извинениями и потными ладонями, скажи мне… — подхожу чуть ближе, мой голос становится тише, в нем проскальзывают теплые нотки, скрытые за привычной наглостью. — Ты действительно считаешь, что мы успеем? До открытия три дня, Анна. Я обещал устроить здесь лучшее шоу года, и не хочу, чтобы единственным светлым пятном на этом вечере была ты в вечернем платье.

Я окидывает её взглядом, в котором сквозит нескрываемый интерес, смешанный с дружеским азартом.

— С чего начнем? С тех уродливых теней в углу или сразу с полной перенастройки экспозиционных ламп?

Анна включилась в процесс моментально. Она раздавала команды рабочим и уже к вечеру помещение стало этлонным.

К семи часам вечера я, прислонившись к одной из колонн, скрестил руки на груди и просто наблюдал. Я уже давно перестал вмешиваться, понимая, что в этом хаосе из стремянок, матерных выкриков рабочих и резких щелчков пальцев Анны рождается именно то, что я задумывал. Свет теперь не просто падал на стены — он их лепил, создавая глубину и тот самый дорогой глянец, который мои рабочие поначалу считали «излишним».

Когда последний рабочий, утирая пот, потащил стремянку к выходу, я оторвался от колонны. Подошел к Анне сзади, глядя на пространство, которое теперь выглядело не как стройплощадка, а как храм современного искусства.

— Знаешь, — негромко произнес я, останавливаясь в паре шагов, — я плачу этим парням бешеные деньги, но они никогда не смотрели на меня с таким священным ужасом, как на тебя последние шесть часов.

Я обошел её, заглядывая в лицо. На щеке у Анны была небольшая полоска пыли, а волосы слегка растрепались, но в глазах горел тот самый азарт, который я так ценил. Протянул руку и, вопреки своей обычной манере подкалывать, осторожно, почти невесомо, смахнул большим пальцем пыль с её скулы.

— Это было чертовски эффектно, Беллами. Ты превратила этот бетонный мешок в нечто… во что-то живое.

Я убрал руку и тут же вернул на лицо свою привычную, чуть нагловатую ухмылку, чтобы не затягивать момент сентиментальности.

— Всё, режим диктатора выключаем. Ты выглядишь так, будто готова съесть коня, и, честно говоря, я тоже. Идем, я заказал столик в том месте, которое ты ненавидишь за «слишком претенциозную подачу», но где готовят лучший стейк в этом городе. Считай это моим скромным приношением богине экспозиции.

Я кивнул на выход, доставая ключи от машины.

— И не спорь. У тебя нет сил даже на то, чтобы саркастично выгнуть бровь. Или есть?

— Что ты скажешь на это? — она саркастично выгинает бровь.

Я не сдерживаю короткого смешка, качая головой.

— Ожидаемо. Я бы даже расстроился, если бы ты этого не сделала. Ты как швейцарские часы, Беллами: предсказуемо вредная и чертовски точная, — делаю шаг к ней, сокращая дистанцию, и на мгновение мой взгляд задерживается на её лице чуть дольше, чем того требует обычный дружеский подкол. — Ладно, 1:0 в твою пользу. Твоя бровь всё ещё в отличной форме, в отличие от твоих рабочих ботинок, которые теперь по колено в строительной пыли.

Я направляется к выходу, жестом приглашая её следовать за собой. На улице уже сгустились сумерки, и Нью-Йорк начал переливаться своими холодными неоновыми огнями. Воздух стал прохладнее, и я, заметив, как Анна непроизвольно повела плечами, открыл перед ней дверцу машины.

— Садись уже, «гений композиции». Если ты упадешь в голодный обморок прямо на тротуаре Сохо, таблоиды решат, что я тебя морю голодом ради искусства. Мой пиар-отдел этого не переживет.

Когда мы оказываются в салоне, и салон наполняется тихим гулом работающего климат-контроля, я плавно выруливаю с парковки.

— Кстати, — я мельком смотрю на её профиль, освещенный пролетающими мимо фонарями. — Я серьезно. То, что ты сделала с тем углом в холле… это было круто. Даже я не ожидал, что свет может так менять объем. Ты всё-таки чертовски хороша в своем деле, Анна.

Я делает паузу, а затем добавляю своим привычным вкрадчивым голосом:

— Но не обольщайся. Стейк я всё равно выберу на свой вкус. А ты будешь пить то вино, которое я закажу, потому что после сегодняшнего марафона у тебя явно атрофировались вкусовые рецепторы. Есть возражения, или мне сразу включить блокировку дверей?

— Твой вкус в еде и вине намного лучше, чем в женщинах. Так что выбирай.

Я на мгновение замираю, моя рука застывает на рычаге переключения передач. Медленно поворачивает голову к Анне, и в полумраке салона мои глаза опасно блестят. Тишину нарушает лишь мерный рокот двигателя «Астона».

— Удары ниже пояса — это твой конек, Беллами, — я усмехаюсь, но в этой усмешке больше азарта, чем обиды. — Мой вкус в женщинах, как ты выразилась, просто более… разнообразен. Я ищу развлечений, а не смысла жизни в каждой юбке. Но приятно знать, что ты так внимательно следишь за моим списком «достижений».

Я возвращаю взгляд на дорогу, с силой вжимая педаль газа, когда мы выезжаем на набережную. Машина срывается с места, оставляя позади огни строительной площадки.

— Раз уж ты признала мой авторитет хотя бы в вопросах стейков, приготовься. Это место закрытое, там нет меню, а шеф-повар ненавидит людей так же сильно, как ты — плохой свет. Ты почувствуешь себя как дома.

Я на секунду отрываю руку от руля и быстро, собственническим жестом ерошу её волосы, тут же возвращая руку обратно, пока она не успела меня ударить.

— И насчет женщин… — я бросаю на неё короткий, странно пристальный взгляд. — Возможно, я просто еще не встретил ту, которая сможет выдержать мой характер так же долго, как ты. Или ту, которая будет указывать мне на ошибки, не боясь, что я её уволю.

Я паркую машину у неприметной черной двери в одном из переулков Трайбеки. Выключив зажигание, я не спешу выходить. Разворачиваюсь к Анне, опираясь рукой на спинку её сиденья, и сокращаю расстояние между нами.

— Итак, Беллами. Раз уж я сегодня выбираю вино… Готова признать, что этот вечер — лучший с момента твоего возвращения, или мне нужно будет заказать еще и десерт, чтобы окончательно тебя подкупить?

— Наполеон?

Я на мгновение зависаю, глядя на неё в упор, а затем разражаюсь коротким, лающим смешком. Качаю головой, и в моих глазах вспыхивает теплое, почти мальчишеское веселье.

— «Наполеон»? Серьезно, Анна? — я отодвигаюсь, открывая свою дверь, но продолжаю смотреть на неё. — Ты только что провела шесть часов, выстраивая свет для выставки стоимостью в несколько миллионов, разнесла в пух и прах профессионалов, а теперь просишь десерт, который напоминает о детских праздниках?

Выхожу из машины и обхожу её, чтобы открыть дверь с её стороны. Когда Анна выходит на прохладный ночной воздух, я придерживаю дверь, не давая ей сразу уйти, и наклоняюсь к самому её уху.

— Ладно. Будет тебе «Наполеон». Я заставлю этого чертового шефа соорудить его, даже если в его концептуальном заведении не держат муки и крема. Ради твоего довольного лица я готов пойти на международный скандал с французской кухней.

Я легонько подталкиваю её ладонью в поясницу, направляя к входу. Моя рука задерживается там чуть дольше, чем того требует простая вежливость, прежде чем я убираю её в карман.

— Но учти, если ты уснешь лицом в этом торте от усталости, я не стану тебя будить. Я просто сделаю пару кадров на твой же «Кэнон» и выставлю их в главном холле как главный экспонат. «Утомленная светом». Как тебе идея?

Я толкаю тяжелую дверь, пропуская её вперед в полумрак уютного, пахнущего деревом и дорогим вином ресторана.

— Садись за тот столик в углу, там идеальная тень, тебе понравится. А я пойду договариваться о твоем кондитерском капризе.

Я вальяжной походкой направляюсь к барной стойке, на ходу кивнув хостес, которая явно собиралась расплыться в профессиональной улыбке, но, наткнувшись на мой предостерегающий жест, лишь молча указала на наш столик. Я ловлю взгляд бармена и делаю едва заметный знак — «как обычно».

— Слушай, Марко, — я облокачиваюсь на стойку, понижая голос до доверительного, но властного баритона. — У меня там в углу сидит самая придирчивая женщина в Нью-Йорке. И она хочет «Наполеон». Да, я знаю, что ваш шеф считает сахар злом, но скажи ему, что если он не сотворит этот чертов торт, я аннулирую его приглашение на открытие центра. И вино… неси то полнотелое красное из старых запасов. Ей нужно что-то, что выбьет из неё этот командировочный стресс.

Я дожидаюсь короткого кивка бармена и возвращаюсь к столику. Сажусь напротив Анны, расстегивая верхнюю пуговицу на футболке, и с наслаждением вытягиваю длинные ноги под столом, случайно (или нет) задевая своим кроссовком её ботинок.

— Всё улажено. Шеф уже точит ножи и проклинает твою любовь к слоеному тесту, но «Наполеон» будет, — я подпираю подбородок рукой, не сводя с неё глаз. — Ты выглядишь чертовски довольной для человека, который полчаса назад обещал мне проваливать к ассистентке.

Официант бесшумно появляется рядом, разливая густое, почти черное вино по бокалам. Я поднимаю свой, слегка покачивая его и наблюдая за тем, как тяжелые капли стекают по стеклу.

— За твое возвращение, Беллами. И за то, что ты всё еще единственный человек, способный заставить моих рабочих вжимать головы в плечи одним движением брови.

Я делаю глоток, не отрывая взгляда от её лица, словно пытаюсь прочитать в её глазах, насколько сильно она на самом деле устала за эти два месяца.

— Кстати, о возвращении… — я делаю небольшую паузу, и мой тон становится чуть более серьезным. — Ты ведь не собираешься свалить в очередную дыру мира сразу после моего открытия? У меня на этот центр большие планы, и мне бы не хотелось снова общаться с тобой только через помехи в FaceTime.

— Пару месяцев я точно буду в Нью-Йорке.

Я медленно опускаю бокал, и на моем лице расплывается довольная, почти хищная улыбка. Я не пытаюсь скрыть облегчения, которое на мгновение промелькнуло в моем взгляде, прежде чем я снова надел маску самоуверенного наглеца.

— Пару месяцев? — переспрашиваю, смакуя эти слова так же, как дорогое вино. — Ну, слава богу. Значит, у меня будет достаточно времени, чтобы вытравить из твоей головы этот дух кочевничества и приучить тебя к нормальной жизни. А Нью-Йорк, наконец, перестанет казаться мне таким… недоукомплектованным.

Я делаю еще один глоток и подаюсь вперед, опираясь локтями о стол. В тусклом свете ресторана мои глаза кажутся почти черными.

— Значит, мы сможем сходить на ту выставку в Метрополитен, о которой ты ныла еще весной. И, возможно, я даже позволю тебе выбрать ресторан в следующий раз. Только не надейся, что я буду молчать, когда ты начнешь критиковать меню.

В этот момент официант приносит закуски, но я даже не смотрю на тарелку. Я продолжаю наблюдать за Анной, за тем, как свет от свечи на столе отражается в её глазах.

— Два месяца — это восемь недель, — я начинаю считать на пальцах с деланно серьезным видом. — Около шестидесяти дней. Если мы будем видеться хотя бы через день, я успею довести тебя до белого каления раз тридцать. Хороший график, мне нравится.

Я вдруг протягиваю руку через стол и накрываю её ладонь своей. Моя кожа горячая, а хватка уверенная, но на удивление мягкая.

— Я серьезно, Анна. Рад, что ты остаешься. Без тебя здесь было слишком тихо. Даже мои скандалы с советом директоров стали какими-то пресными, потому что мне некому было пересказать их в лицах и услышать в ответ, что я — самовлюбленный индюк.

Я слегка сжимаю её пальцы и тут же отпускаю, возвращаясь к своему бокалу, словно этот жест был чем-то само собой разумеющимся.

— Ну, давай, скажи это. Я же вижу, как у тебя чешется язык подтвердить, что я индюк. Не сдерживай себя, это вредно для пищеварения перед «Наполеоном».

— Я знаю лекарство от твоего диагноза. Потрахайся.

Я едва не поперхнулся вином. Делаю резкий глоток, и в моем горле рождается хриплый, сдавленный смешок, который быстро перерастает в полноценный хохот. Я откидываюсь на спинку стула, вытирая выступившую слезу в уголке глаза, и качаю головой, глядя на Анну с нескрываемым восторгом.

— Боже, Беллами… Я скучал по твоим «рецептам», — я ставлю бокал на стол, мои пальцы всё ещё подрагивают от смеха. — Ты всегда была сторонницей радикальной медицины. Кратко, лаконично и в твоем стиле. Никаких прелюдий, сразу к терапии.

Я делаю паузу, и мой смех постепенно затихает, сменяясь тем самым вкрадчивым, низким тоном, который я обычно приберегаю для моментов, когда хочу смутить собеседника. Прищуриваюсь, медленно обводя взглядом её лицо, губы, а затем снова возвращаюсь к глазам.

— И что, доктор, — я понижаю голос, и в нем отчетливо слышится опасная, тягучая ирония. — Ты выписываешь рецепт или просто проводишь общую диагностику? А то, знаешь ли, в Нью-Йорке полно «медсестер», готовых помочь мне с этим «диагнозом». Но почему-то мне кажется, что их методы лечения не так эффективны, как твой сарказм.

Я лениво беру вилку, кручу её в руках, не сводя с Анны глаз.

— Ты ведь понимаешь, что такие советы от тебя звучат… специфично? Как будто ты действительно заботишься о моем ментальном здоровье. Или ты просто хочешь, чтобы я сбросил пар и перестал тебя донимать своей самоуверенностью?

В этот момент официант, выбрав максимально неудачное время, ставит перед Анной тарелку с тем самым «Наполеоном». Торт выглядит безупречно: тончайшие слои теста и нежный крем, украшенный веточкой мяты.

— О, а вот и твоя награда за профессионализм и сомнительные медицинские советы, — я киваю на тарелку, мои губы растягиваются в наглой ухмылке. — Ешь, Анна. А то, боюсь, если ты продолжишь в том же духе, я решу, что твое «лекарство» — это скрытое предложение, и тогда наш ужин примет совсем другой оборот. А я ведь обещал быть сегодня джентльменом. Ну, почти.

— Предложение? Пфф.. Представь, как это было бы неловко. Словно на семейном ужине приходится обнимать троюродную тётку.

Я делаю глоток вина, медленно проглатывает его, не сводя с неё глаз, и лишь затем расплываюсь в самой своей невыносимой, кошачьей улыбке.

— Троюродную тётку? — я театрально прикладываю руку к груди, изображая смертельную рану. — Ой, Беллами, это было больно. Прямо в эго. Ты сравниваешь меня с тёткой в леопардовых лосинах и с запахом нафталина? Я оскорблен. Глубоко и непоправимо.

Я подаюсь вперед, опираясь грудью о край стола, так что расстояние между нами сокращается до опасного. Мой голос становится тихим, вибрирующим, лишенным всякой «семейной» нотки.

— Только вот есть одна проблема в твоей метафоре, — я делаю паузу, мой взгляд медленно скользит по её губам и возвращается к глазам. — Я не помню, чтобы троюродные тётки смотрели на своих племянников так, как ты смотрела на меня сегодня в холле, когда я перехватил твой взгляд. И я точно не помню, чтобы мне когда-либо хотелось… — я усмехаюсь, обрывая фразу на самом интересном месте, и откидываюсь назад, возвращая себе привычную маску. — Впрочем, неважно.

Я кивает на торт, который Анна уже начала потрошить вилкой.

— Ешь свой десерт, «племянница». А то у тебя от сарказма уровень сахара в крови упал до критической отметки. И не переживай, «неловко» — это последнее слово, которое пришло бы мне в голову, если бы мы действительно решили последовать твоему совету. Скорее «взрывоопасно». Но ты права, давай оставим это для твоих мемуаров.

Я наблюдаю, как она отправляет первый кусочек в рот, и в моем взгляде на долю секунды мелькает нечто, совершенно не похожее на братскую привязанность. Но я тут же маскирую это, воруя с её тарелки веточку мяты.

— Ну и как? Шеф достоин жизни, или мне всё-таки уволить его за недостаточную хрусткость коржей?

— Это шедеврально. Попробуй.

Я приподнимаю бровь, глядя на протянутую вилку. Мои губы трогает едва заметная, предвкушающая усмешка. Вместо того чтобы перехватить прибор из её рук, я слегка наклоняюсь вперёд, сокращая дистанцию, и слизываю крем прямо с кончика вилки, не сводя с Анны пристального, вызывающего взгляда.

— М-м-м… — я медленно выпрямляюсь, смакуя вкус. — Ладно, шеф может спать спокойно. Хотя, признаться, я ожидал, что после твоего «диктаторского» дня в арт-центре у тебя останутся силы только на то, чтобы вонзить эту вилку мне в глаз за лишний вопрос о сроках.

Я облизываю нижнюю губу, и этот жест выглядит совершенно не по-братски — слишком осознанно, слишком лениво.

Боже, Беллами, если бы ты знала, как тебе идет этот вид — с остатками сахара на губах и этим твоим вечным прищуром «я-знаю-всё-лучше-вас».

— Но ты права, это чертовски вкусно, — кручу в пальцах украденную веточку мяты, рассматривая её, словно это какой-то редкий артефакт. — Знаешь, я тут подумал… Раз уж ты остаешься в городе на пару месяцев, мне нужно будет как-то компенсировать твой неоценимый вклад в освещение моего детища. Одним ужином я явно не отделаюсь.

Я делаю небольшую паузу, в которой отчетливо слышен шум ресторана и приглушенный звон посуды на фоне.

— У меня есть пара идей, как скрасить твой досуг между съёмками. И ни одна из них не включает в себя семейные посиделки с тётками. Что скажешь, если завтра мы пропустим официальную часть подготовки к открытию и просто… исчезнем на полдня? У меня есть доступ к одной крыше в Бруклине, откуда вид на Манхэттене такой, что даже твой придирчивый объектив не найдет изъянов.

— И что мы будем делать на этой крыше?

Я делаю паузу, и в моих глазах вспыхивает тот самый опасный огонек, который обычно предвещает либо грандиозную авантюру, либо очень двусмысленную шутку. Я медленно прокручиваю в пальцах ножку бокала, наблюдая за игрой света в темном вине.

— А чем обычно занимаются на крыше с самым циничным фотографом Нью-Йорка? — я подмигиваю, и мой голос становится на тон ниже. — Я планировал привязать тебя к стулу и заставить смотреть на закат без камеры в руках. Пытка чистой красотой, Беллами. Никаких фильтров, никакого «переставьте этот софит на два градуса левее». Только ты, я и охренительный вид на город, который ты вечно пытаешься упаковать в цифровой формат.

Я делаю глоток, не отрывая взгляда от её лица, словно изучая её реакцию.

— Ну и, конечно, я возьму с собой бутылку чего-нибудь неприлично дорогого, что не входит в винную карту этого заведения. Будем пить, злословить о твоих коллегах-хипстерах и смотреть, как зажигаются огни в окнах людей, у которых жизнь гораздо скучнее нашей.

Я на мгновение замолкаю, и мое лицо становится чуть серьезнее, хотя ироничная полуулыбка никуда не исчезает.

— На самом деле, я просто хочу, чтобы ты выдохнула. Ты прилетела и сразу впряглась в мой проект, как будто от этого зависит спасение человечества. Хочу напомнить тебе, каково это — просто сидеть и ничего не контролировать. Хотя бы пару часов.

Наклоняюсь чуть ближе, обдавая её едва уловимым ароматом своего парфюма — смесью дорогой кожи, дерева и чего-то холодного.

— Или ты боишься, что без камеры в руках тебе придется смотреть на меня слишком долго? И ты вдруг заметишь, что я чертовски хорош собой, даже когда не плачу тебе гонорар?

— Гонорар? Я помогаю тебе за еду. И да. Ты самовлюбленный индюк. Который чертовски хорош собой.

Я откидываюсь на спинку кресла, и мой грудной смех — низкий, искренний — на мгновение перекрывает приглушенную музыку ресторана. Я выгляжу абсолютно довольным собой, словно только что выиграл крупный тендер, даже не вставая с места.

— «За еду»? Беллами, это был самый дорогой стейк в Трайбеке, так что не строй из себя сиротку, — качаю головой, всё ещё улыбаясь. — Но признание засчитано. Запишем в протокол: Анна Беллами официально подтвердила, что я чертовски хорош собой. Я выгравирую это на входе в арт-центр. Золотыми буквами.

Я снова подаюсь вперед, опираясь локтями о стол. В моем взгляде, который только что был насмешливым, появляется какая-то новая, более плотная концентрация. Я рассматриваю её лицо так, словно сам в этот момент работаю фотографом, фиксируя каждую деталь: изгиб губ, искорки сарказма в глазах, прядь волос.

— Самовлюбленный индюк, значит? — повторяю я, пробуя слова на вкус. — Ну, по крайней мере, я честный индюк. И раз уж мы выяснили, что мои внешние данные не вызывают у тебя отторжения, то завтрашний вечер на крыше становится еще более перспективным.

Протягиваю руку через стол — не для того, чтобы коснуться её, а чтобы просто на мгновение накрыть своей ладонью её пальцы, лежащие рядом с десертной вилкой. Моя кожа теплая, а жест кажется одновременно собственническим и на удивление бережным.

— Договорились, Анна. Никаких камер. Только еда, вид и моё невыносимое присутствие. Я заеду за тобой в пять. И постарайся не надевать свой «диктаторский» костюм, — я ухмыляюсь, медленно убирая руку. — На крыше будет ветер, я не хочу, чтобы тебя сдуло раньше, чем мы допьем первую бутылку.

Я делаю знак официанту, прося счет, но мое внимание всё еще полностью приковано к ней.

— Кстати, о еде… Раз уж ты работаешь за еду, может, стоит пересмотреть меню на завтра? У меня есть доступ к лучшей доставке морепродуктов в городе. Или ты предпочитаешь что-то более… приземленное, раз уж мы будем так высоко?

— Например?

Я прищуриваюсь, и в моих глазах проскальзывает тень того самого мальчишки, с которым она когда-то прогуливала занятия, только теперь этот мальчишка носит костюмы стоимостью в её годовую аренду техники.

— Например, мы можем забыть про пафос этого места, — я обвожу ленивым жестом изысканный интерьер ресторана, — и заказать ту самую жирную, острую пиццу из дыры в стене на углу 4-й, которую мы ели на спор в университете. Помнишь? От которой потом еще три дня жгло всё нутро, но это было лучшее, что мы пробовали.

Я делаю паузу, и мой голос становится бархатистым, почти интимным.

— Или… я могу попросить своего повара собрать корзину с чем-то, что не требует вилок. Вино, пара видов сыра, от которых у нормальных людей кружится голова, и инжир. Чтобы ты могла есть руками и не отвлекаться на приличия. Мне всегда нравилось, как ты выглядишь, когда перестаешь строить из себя «мисс Совершенство» и просто наслаждаешься моментом.

Я выуживаю из кармана платиновую карту и кладу её на папку со счетом, даже не глядя на сумму. Мой взгляд прикован к Анне, и в нем читается нескрываемый вызов.

— Знаешь, Беллами, на той крыше нет камер наблюдения. И нет лишних глаз. Только небо и бетон. Так что «например» может включать в себя что угодно. Даже если ты захочешь обсудить, почему этот «самовлюбленный индюк» до сих пор единственный, кто может выносить твой характер дольше двух часов, не заработав нервный тик.

Я слегка наклоняю голову набок, наблюдая за её реакцией.

— Ну так что? Пицца и ностальгия или вино и… — я делаю многозначительную паузу, — что-то более интригующее?

Следующий вечер, 20.00. Мы сидим на крыше уже прилично выпившие.

Ночной Нью-Йорк под нами превратился в океан из расплавленного золота и неоновых огней. Ветер на высоте тридцатого этажа бесцеремонно путал волосы Анны, но мне было плевать — я сидел на бетонном парапете, расслабив узел дорогого галстука и расстегнув верх-

ние пуговицы рубашки. В моей руке опасно покачивался полупустой бокал, а рядом стояла та самая корзина, от которой остались лишь крошки дорогого сыра и пустые бутылки.

Я повернул голову к Анне, щурясь от удовольствия. Алкоголь приятно разлился по венам, смывая дневной стресс и делая мою и без того наглую ухмылку совсем уж ленивой.

— Знаешь, Беллами… — я произнес это медленно, растягивая гласные. — Если бы я сейчас столкнул тебя вниз, это был бы твой лучший кадр. В полете. Но, боюсь, я слишком привык к твоим ядовитым комментариям по утрам, чтобы так рисковать своим комфортом.

Я придвинулся ближе, так что наши плечи соприкоснулись. От меня пахло хорошим вином и тем самым холодным парфюмом, который за вечер стал только острее. Я посмотрел на её профиль, затем перевел взгляд на город, расстилающийся у наших ног.

— Ты молчишь уже целых пять минут. Это подозрительно. Либо ты придумываешь, как меня изощренно оскорбить, либо вино наконец-то отключило твой внутренний процессор, — я тихо хмыкнул, толкнув её плечом. — Признайся, тебе ведь нравится. И вид, и пицца, и то, что я не затыкаюсь.

Я на мгновение замер, глядя, как свет далеких рекламных щитов отражается в её глазах, и мой голос вдруг потерял всякую насмешливость, став непривычно низким.

— Или ты всё-таки думаешь о той «троюродной тётке»? Потому что, клянусь, если ты еще раз назовешь меня братом после этой бутылки, я заставлю тебя пересчитывать все окна в Эмпайр-стейт-билдинг до самого рассвета.

— Нет. Я думаю не о тётке. Это глупо, но….я подумала о том, как бы все сложилось, если бы мы переступили черту дружбы. Как бы ты пытался «охмурить» меня.

Я замираю. Шум города внизу — бесконечный гул машин и сирен — внезапно отходит на второй план, становясь лишь белым шумом. Я медленно поворачиваю голову к Анне, и в моем взгляде больше нет той пьяной расслабленности, что была секунду назад. Вместо неё появляется нечто острое, фокусированное и пугающе трезвое.

Я не смеюсь. Не отпускаю очередную шутку про её «дикторские» замашки. Вместо этого я ставлю бокал прямо на бетон парапета, даже не глядя, устойчиво ли тот стоит.

— Охмурить тебя? — переспрашиваю я, и мой голос звучит как низкий рокот, вибрирующий где-то в грудной клетке. — Ты думаешь, я бы тратил время на все эти дешевые трюки, которыми я пользуюсь с другими? Цветы, глупые комплименты, попытки произвести впечатление?

Я медленно сокращаю расстояние между нами, пока мое лицо не оказывается в считанных сантиметрах от её. Анна чувствует тепло, исходящее от меня, и видит, как в моих зрачках отражаются огни Манхэттена.

— Если бы я решил переступить эту черту, Беллами, я бы не «охмурял» тебя, — моя рука поднимается и медленно, почти гипнотически, заправляет выбившуюся прядь её волос за ухо. Пальцы на мгновение задерживаются на её коже, обжигая холодом ночного воздуха и внутренним жаром. — Я бы просто сделал так, чтобы ты не смогла думать ни о чем другом, кроме того, как сильно ты меня хочешь. И ты бы знала об этом с первой секунды.

Я делаю еще один вдох, почти касаясь своим носом её носа.

— Это не было бы неловко. Это было бы… неизбежно. Как тот свет, который ты выставляла вчера. Единственно верный вариант, при котором всё остальное уходит в тень.

Я замолкаю, глядя прямо ей в губы, и мое дыхание становится чуть тяжелее.

— И знаешь, что самое паршивое? Мы оба знаем, что если это случится, назад пути не будет. Никаких «братских» подколов, никакой безопасной дистанции. Только ты, я и полная катастрофа для наших привычных жизней.

Я делаю паузу, и мои губы кривятся в странной, почти болезненной ухмылке.

— Ну так что, Анна? Ты действительно хочешь знать, как бы я это сделал? Или нам стоит допить вино и притвориться, что это просто алкоголь говорит в тебе?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.